

Цюй Цинъюэ промолчал. На его обычно мягком, приветливом лице промелькнуло нечто неуловимое, скрыв привычную пронизательность во взгляде.

Однако Лян Сюань так и не успел толком разобраться, что это была за эмоция: его бесцеремонно запихнули обратно в повозку, и они снова тронулись в путь.

Расстояние от Цинсяо-цзун до Долины радостных кошмаров составляло несколько десятков ли. Как бы быстро ни мчал породистый конь, на дорогу туда и обратно требовались целые сутки — а это значило, что Лян Сюаню придется терпеть терзающую его огненную отдачу еще как минимум несколько часов.

К тому же суматоха на праздничном приеме отняла слишком много времени, так что манера езды молодого господина сейчас мало чем отличалась от безумных американских горок.

Повозку немилосердно трясло на каждом ухабе. Лян Сюань, подскакивая чуть не до потолка, умудрялся выговаривать слова лишь с трудом, то и дело прикусывая язык:

— Сынок... ПДД... написаны... кровью! А лихачество... до добра... не приведет! О себе не думаешь... так о наставнике... пожалей! Мы же сейчас... оба... уьемся!

«Сынок», впрочем, к стенаниям остался глух и продолжал гнать так, словно вознамерился взлететь прямо к небесам.

К источнику Ханьчуань они добрались лишь глубокой ночью.

Небо налилось густой чернильной синевой. Вокруг царила оглушительная тишина, которую изредка нарушал лишь шорох одежды.

Белоснежный конь остановился под кроной старого раскидистого вяза. Лян Сюань только собрался выбраться наружу, как Шэнь Гумин аккуратно, но крепко перехватил его за талию, спустил на землю и, не выпуская тонкого запястья, потянул за собой. Из-за спешки его движения лишились привычной мягкости, став напористыми и резкими.

Раздвинув густые ветви, они вышли к источнику. Перед ними предстала чистейшая заводь, над которой лениво поднимался легкий полупрозрачный пар. Лян Сюань еще не успел ужаснуться тому, насколько холодной выглядит эта вода, как стоящий позади юноша принялся торопливо развязывать его пояс.

Что ж, обслуживание на высшем уровне.

Император доволен.

Когда Лян Сюань погрузился в воду, обжигающий холод мгновенно стиснул его тело, заставив судорожно вздрогнуть. Терзавший изнутри огненный жар наконец-то начал отступать, но от этой стужи едва не раскалывалась голова.

«Лучше бы он меня просто вырубил... Лежал бы без чувств и горя не знал».

Впрочем, лишать себя чувств насильно не пришлось. Спустя час блаженного омовения Лян Сюань окончательно размяк. Он то и дело клевал носом, пока окончательно не провалился в глубокий, похожий на зыбкое сновидение сон. Он спал прямо в воде, лениво пуская пузыри, точно сонная рыба, пока Шэнь Гумин бережно не выудил его на сушу. Юноша с бесконечным терпением переодел наставника, отнес обратно в повозку и направил коня в сторону Долины радостных кошмаров.

Лян Сюань проспал до самого рассвета.

Тан Тянь, усевшись прямо на крышку гроба, устроил утреннюю побудку. Своей затейливой и громкой трелью он вполне мог соревноваться с деревенским петухом, за что едва не схлопотал острием меча прямо из оконца кареты.

— Да заткнись ты, пернатый зараза! Чего орешь спозаранку? У меня от твоего визга голова раскалывается!

Против утренней агрессии не было приема. Лян Сюань потер виски, чувствуя жуткую тяжесть в голове, словно после знатной попойки. Настроение было паршивым.

Стоило ему приподняться, как с его бедер соскользнуло чужое одеяние. Светло-золотая ткань выглядела на удивление знакомо — именно в этой накидке вчера щеголял главный герой.

Подняв её, Лян Сюань озадаченно осмотрелся, а затем высунулся из повозки:

— А куда делся наш мелкий?

— Папенька ушел еще на рассвете, — отозвался Тан Тянь.

— И не сказал куда?

— Не-а.

—...

Чувство было такое, будто он умудрился потерять собственного ребенка.

Поместье Шэнь

Несколько изящных старинных построек, окруженных вековыми вязами, являли собой образец классической архитектуры. Белые стены, серая черепица, угловые башенки и выкрашенные красным лаком ворота — все здесь дышало благородством и покоем, достойным обители истинного бессмертного.

После вознесения Юйянь-цзюня бразды правления перешли к его единственному сыну. Но поскольку Шэнь Гумин был еще слишком юн, ему помогали шестеро верных слуг. Те самые, что отправились с ним в Цинсяо-цзун и по пути попали под горячую руку Вэйцы-цзюня, схлопотав по порции Павлиных перьев. Судя по тому, как сильно они тогда харкали кровью, выжить никто не должен был.

Поэтому, приближаясь к поместью, Шэнь Гумин ожидал увидеть лишь запустение и прах. Каково же было его удивление, когда на стук ворота отворил один из его приближенных — А-Юань.

Увидев молодого хозяина, тот опешил, оглядел его с ног до головы и потрясенно выдохнул:

— Мо... молодой господин?!

Договорить он не успел: перепуганный Шэнь Гумин с грохотом захлопнул дверь прямо перед его носом.

Ему показалось, что перед ним предстал призрак.

Лишь после долгих и сбивчивых объяснений А-Юаня сквозь закрытую дверь юноша наконец понял: Вэйцы-цзюнь вовсе не собирался их убивать. Раны лишь выглядели устрашающе, а на деле слугам нужно было просто отлежаться три дня, пока яд полностью не выйдет с кровью.

Шэнь Гумин облегченно выдохнул и наконец вошел в дом. Привидений и прочей чертовщины он, признаться, побаивался до дрожи.

Целью его визита были духовные камни. Он не спрашивал Лян Сюаня, нужны ли они ему, но был абсолютно уверен: лишними они точно не будут. После ухода из Цинсяо-цзун их маленькая компания в Долине радостных кошмаров состояла всего из трех ртов. Даже если продать все его драгоценные подвески и заколки, вырученных денег надолго не хватит. Так что молодой господин решил временно вернуться в родное гнездо, чтобы запастись ресурсами.

Вскоре подтянулись и остальные пятеро слуг. Все они были безгранично преданны покойному Юйянь-цзюню, а потому, даже узнав об уходе молодого хозяина в другую школу, не покинули

службу. Выслушав поручение Шэнь Гумина, они тут же принялись упаковывать духовные камни, целебные снадобья и сменную одежду.

А-Юань тем временем заварил ароматный чай. Душистый пар лениво разносился по комнате, создавая ощущение уюта.

Наблюдая за тем, как юноша неторопливо делает глоток — все такой же изящный, сдержанный и молчаливый, — слуга тихо заметил:

— Молодой господин... вы словно осунулись с нашей последней встречи.

— Скорее уж вытянулся, — Шэнь Гумин поставил чашку на стол и оперся подбородком о согнутые пальцы, выглядя в этот момент невероятно статно. — Одежды много не собирайте, пары сменных комплектов хватит. А вот камней и снадобий пакуйте побольше.

Он перевел взгляд на убранство комнаты:

— И занавеси эти снимите, они почти новые. И стулья прихватите, на них сидеть удобно.

Посмотрев в окно, он добавил:

— Вон те горшки с цветами из сада тоже грузите. И фарфор, что нам кто-то дарил в позапрошлом году. Ах да, не забудьте про ночные жемчужины! В Долине по ночам хоть глаз выколи, они нам точно понадобятся. Наставнику должно понравиться.

А-Юань растерянно моргнул. Это больше походило не на сборы, а на откровенный грабеж собственного дома.

— Может... мы тогда вообще все имущество погрузим? — осторожно предложил он.

Шэнь Гумин без колебаний кивнул:

— Отличная мысль. Действуйте.

А-Юань только вздохнул.

В итоге карета молодого господина оказалась забита под завязку самым разным добром — от бесценных сокровищ до откровенного хлама.

Провожая хозяина, А-Юань все никак не мог отделаться от странного предчувствия. Шэнь Гумин казался прежним, но в то же время неуловимо изменился. На его лице не было и следа

радости.

— Молодой господин, неужели вы... передумали учиться у Вэйцы-цзюня?

— Что за глупости? — Шэнь Гумин вскочил в седло и строго посмотрел на слугу. — Вы ведь прекрасно знаете, что стать учеником Вэйцы-цзюня было моей заветной мечтой. С чего бы мне передумывать?

— Но вы выглядите таким хмурым...

— Мое недовольство вызвано иными причинами, — отрезал юноша. — Вас это не касается. Впредь, если в поместье случится что-то важное, немедленно присылайте весть в Долину... Точнее, в Долину Бавана. Мой наставник теперь там за главного.

А-Юань слушал его, приоткрыв рот от изумления.

— Постойте... Какая еще Долина Бавана? Это ведь пристанище демонов и нечисти! Как Вэйцы-цзюнь мог оказаться в таком месте?

Шэнь Гумин натянул поводья:

— Он покинул Цинсяо-цзун, а я ушел вслед за ним. Отныне эта долина принадлежит нам двоим. Я продолжу обучаться у него мастерству меча, и, кроме смены обстановки, ничего не изменилось. Так что не забивайте себе голову.

О том, что великий мастер меча покинул свой орден, стало известно лишь вчера, и новость пока не успела разлететься по Поднебесной. Пройдет еще дня три, прежде чем этот слух всколыхнет весь мир заклинателей.

Оставив ошеломленного слугу позади, Шэнь Гумин пустил коня в галоп.

Юноша оставался суров, едва скрывая злость. В его мыслях неотступно крутился один и тот же образ. Лян Сюань — то смеющийся, то раздосадованный, то задумчивый. Каждое движение, каждая деталь мимики наставника запечатлелись в его памяти с пугающей точностью.

Он беззвучно шевелил губами, раз за разом повторяя его имя.

«Лян Сюань...»

«Лян Ланъин...»

«Кто же для тебя этот чертов Син И?..»

Долина Бавана

— Ой-ой-ой! Больно же, учитель! Пощадите... полегче!

Солнце уже клонилось к закату. Лян Сюань, усевшись по-турецки на крышке гроба, смерил недовольным взглядом высившуюся перед ним гору барахла, после чего мертвой хваткой вцепился в ухо своего нерадивого ученика.

— Шэнь Гумин, ты никак страх потерял? — Лян Сюань безжалостно выкрутил ухо парня. — Только вчера согласился взять тебя под крыло, а ты уже сегодня упылил куда-то без спросу! А если бы вляпался во что? Мне опять за тобой дерьмо разгребать?

— Да я же видел, что вы еще спите! — оправдывался Шэнь Гумин, пытаясь увернуться. — Не хотел вас тревожить! К тому же я не бездельничать ходил! Я парень серьезный, глупостями не страдаю. Просто съездил домой, предупредил своих да прихватил кое-какие сбережения, чтобы мы ни в чем не нуждались...

— Кое-какие сбережения?! — Лян Сюань аж поперхнулся от возмущения, указывая на грудку коробок. — Да ты, мать твою, весь дом сюда перетащил! Ладно еще постель и шмотки, но на кой хрен нам сдались эти горшки с цветами, занавески и вазы? Посмотри мне в глаза и скажи честно: ты совсем кукухой поехал?

— Ну... вдруг пригодится?

— Пригодится?! Тебе что, пострать негде? Или ты собрался совместить приятное с полезным и удобрять эти кусты прямо во время процесса? Ты у цветов-то спросил, согласны они на такое счастье?

— Ну и логика... — буркнул Шэнь Гумин.

— Ишь, голос прорезался! — вспыхнул Лян Сюань. — Совсем страх потерял, на наставника огрызаешься?

...

Впрочем, несмотря на всю абсурдность привезенного скарба, Лян Сюань должен был признать, что обустроить их новое жилище не помешает. Разумеется, всю тяжелую работу он великодушно предоставил тому, кто этот хлам притащил.

Вскоре за пределами духовного барьера появилась новая каменная плита с гордой надписью: «Долина Бавана».

Старый указатель с прежним названием «Долина радостных кошмаров» Лян Сюань убирать не разрешил, но новый монумент был в разы крупнее и притягивал взгляд издалека. Сама надпись была выведена настолько размашистым и небрежным почерком, что у любого ценителя каллиграфии из глаз наверняка пошла бы кровь.

Провозившись до наступления темноты, Шэнь Гумин наконец закончил с обустройством своего фургона. Внутри повозка теперь выглядела по-настоящему роскошно и просторно — там без труда могли разместиться два, а то и три человека. По крайней мере, теперь ему не придется ночевать под открытым небом, подставляя лицо прожорливым мошкам.

Лян Сюань же весь день откровенно бездельничал, лениво полируя эфес своего верного меча Цзихуа.

Это оружие не возвращалось к своему законному владельцу целых сто лет. Для любого заклинателя меч — это жизнь, но для Лян Сюаня Цзихуа значил куда больше, чем просто кусок закаленного металла.

— Учитель, могу я задать вам вопрос? — Шэнь Гумин опустился на землю перед гробом. Сидя в такой позе, он был вынужден слегка приподнимать голову, чтобы поймать взгляд наставника.
— Всего парочку.

Иначе он просто лопнул бы от переполнявшего его любопытства.

За последние дни произошло слишком много странных событий, и юноша чувствовал себя так, словно блуждает в густом тумане. А если Лян Сюань продолжит играть в молчанку, этот настырный парень замучает его расспросами до полусмерти.

Отложив Цзихуа в сторону, Лян Сюань лениво протянул:

— Спрашивай. Послушаю твои бредни.

— Учитель! — обиженно воскликнул юноша.

— Да ладно тебе, ладно. Задавай свои три вопроса, но не больше.

— Хорошо! — Шэнь Гумин мгновенно просиял, и в его взгляде вспыхнули озорные искры. — Первый вопрос: какие у вас разногласия с Почтенным Хуачэнем?

Начало вышло не самым приятным.

Лян Сюань прищурился, и в его взгляде промелькнула опасная прохлада:

— Меня по его милости заперли в четырех стенках на целое столетие. Как думаешь, тянет это на разногласия?

— И это всё? Только из-за этого?

— Что ты имеешь в виду?

Голос Лян Сюаня звучал обманчиво спокойно, однако Шэнь Гумин интуитивно почувствовал, что перегибает палку. Инстинкт самосохранения подсказывал, что развивать эту тему дальше не стоит.

Помявшись немного, юноша выдавил довольно нелепый вопрос:

— Было... больно?

Лян Сюань недоуменно изогнул бровь:

— Чего?

Он, разумеется, и понятия не имел, что его ученик до сих пор переживает из-за той пощечины, которую ему отвесил Пэй Таньцзы. Но поскольку кожа на лице Лян Сюаня была безупречно белой и не сохранила никаких следов, Шэнь Гумин решил, что удар Пэй Таньцзы пришелся вскользь.

Юноша лишь разочарованно фыркнул и перешел к следующему вопросу:

— Тогда второй: что вы планируете делать дальше?

Лян Сюань сменил позу, устроившись на крышке гроба поудобнее. Он принялся небрежно разглядывать свои ногти, но его ответ прозвучал на удивление твердо и весомо:

— Сто лет назад я вытащил Цинсяо-цзун на вершину Поднебесной. Думаешь, сейчас не смогу повернуть то же самое с Долиной Бавана? А все те, кто успел мне нагадить или задолжал кровную обиду... Что ж, долги я привык возвращать с процентами.

— Те, кто задолжал обиду?..

— Например, эта старая черепаха Пэй Таньцзы.

— Хм... ладно, — Шэнь Гумин на мгновение замолк. Когда он поднял голову, чтобы задать последний вопрос, он стал совершенно бесстрастным. Радость мгновенно испарилась, уступив место мрачной, удушливой серьезности.

Поведение юноши изменилось настолько резко, словно перед Лян Сюанем внезапно предстал совершенно другой человек.

— Учитель. Скажи... тебе ведь нравится Син И?

<http://bllate.org/book/18178/1752580>